АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

«ЗОЛОТОЙ ЧЕКАН»

(К истории одного незавершенного замысла)

Предисловие и публикация 3. А. Веселой и В. Б. Муравьева

Литературная деятельность известного советского писателя Артема Веселого (Николая Ивановича Кочкурова, 1899—1939) трагически оборвалась в 1937 г., когда ему едва исполнилось 37 лет и когда он был полон творческих сил и замыслов.

В описи его рукописей перечислены следующие названия: «Печаль земли», «Глубокое дыхание», «На высокой волне», «Притон страстей», «Мир будет наш». Ни одно из этих произведений не было опубликовано. Кроме перечисленных, известен еще целый ряд замыслов писателя, находившихся в разных стадиях осуществления.

Над каждым своим произведением Артем Веселый работал в течение многих лет (над романом «Гуляй Волга» — с 1926 по 1932 г., а роман «Россия кровью умытая», начатый в 1920 г., Артем Веселый не считал законченным даже в 1937 г.). Кроме того, он обычно работал одновременно над несколькими темами.

Упелела лишь та часть рукописей Артема Веселого, которая оставалась у его матери Ф. К. Кочкуровой (1870—1948). По ним мы можем составить представление о некоторых неопубликованных и неосуществленных произведениях писателя. Там же были обнаружены и публикуемые ниже стихотворения в прозе из цикла, над которым Артем Веселый работал с 1927 по 1936 г.

Эти материалы представляют собой только часть рукописей, относящихся к работе Артема Веселого над этим циклом, поэтому история его создания не на всех этапах может быть освещена с желательной полнотой.

Обращение к жанру стихотворений в прозе для Артема Веселого было вполне закономерно. Свойственная писателю эмоциональность заставляла его во многих произведениях прерывать повествование лирическими отступлениями. Таким лирическим отступлением являются, например, известные строки в романе «Россия кровью умытая»: «Пути-дороженьки расейские, ни конпа вам нет, ни краю...»

Но к созданию небольших по объему лирических произведений-размышлений на морально-этические, философские, общественно-политические темы Аргем Веселый пришел не сразу. Годы, в которые был задуман и начат цикл стихотворений в прозе, сам Артем Веселый относил еще к «годам ученичества» (см. «Послесловие» в его книге «Пирующая весна», Харьков, 1929), и поэтому естественно возникает вопрос об «учителях». В связи с данным циклом мы совершенно определенно можем назвать два имени — Гоголь и В. Хлебников.

Влияние Гоголя на Артема Веселого не раз отмечалось в критике, его ранние произведения 1917—1918 гг. носят отчетливые следы подражания лирико-героическому стилю «Тараса Бульбы» и лирическим отступлениям Гоголя.

Свидетельством отношения Артема Веселого к Хлебникову является выразительное посвящение сборника «Большой запев» (М.— Л., 1927): «Велимиру Хлебникову... Овсянистый напев, сердечность, страсть и чистота — я склоняю перед тобой эти страницы, как боевые знамена. Артем Веселый. Весна, 1927».

Живой интерес к языковым поискам Хлебникова и самое пристальное внимание ко всему его творчеству Артем Веселый проявлял до самых последних лет. В 1936 г. в интервью, данном сотруднику журнала «Книжные новости», он сказал: «Из писателей, если бы мне пришлось прожить 1000 лет, никогда бы не переставал читать четырех: Пушкина, Гоголя, Хлебникова и Франса» 1, а через год, в дни пушкинских торжеств, он снова повторил: «Пушкин и Хлебников — мои любимые поэты» 2.

Непосредственным толчком к созданию стихотворений в прозе как произведений самостоятельного жанра послужило знакомство Артема Веселого с прозой В. Хлебникова и особенно с его «Зверинцем», к которому первые стихотворения Артема Веселого близки и по ритмико-синтаксическому построению. С текстом «Зверинца» Артема Веселого, вероятнее всего, познакомил А. Е. Крученых. Произошло это, видимо, во второй половине 1927 г., когда Крученых готовил брошюру «15 лет русского футуризма», для которой Артем Веселый написал взволнованное обращение «ко всем» с призывом издавать и пропагандировать творческое наследие В. Хлебникова.

В 1927 г. Артемом Веселым было написано первое стихотворение «Ко дню МОПРа», напечатанное в альманахе «Московские мастера» (М.—Л., 1929) и получившее впоследствии название «Тюрьма».

Это стихотворение развилось из лирического отступления в рассказе «Дикое сердце»: «О, тюрьма — корабль человеческого горя — непоколебимая, как тупость, ты плывешь из века в век, до бортов груженная кислым мясом и человеческой кровью... Крепость тиранов, твердыня земных владык, не нонче-завтра мы придем, мы кувырнем тебя, раздергаем тебя по кирпичу и на твоих смрадных развалинах будем петь, будем плясать и славить солнце». Эти строки, впервые появившиеся в рассказе в издании 1926 г. (до этого «Дикое сердце» было опубликовано в журнале «Красная новь», 1924, № 1—2), с небольшими изменениями входили во все переиздания рассказа вплоть до 1932 г., а затем были исключены. Следует отметить, что во многих изданиях автор полиграфически (строчками точек, сплошной линией, отбивкой) выделял этот абзац, подчеркивая таким образом его вставной и в какой-то степени самостоятельный характер в тексте. Видимо, уже с конца 1927 — начала 1928 г. стихотворения в прозе были задуманы как цикл и получили общее название «Домыслы».

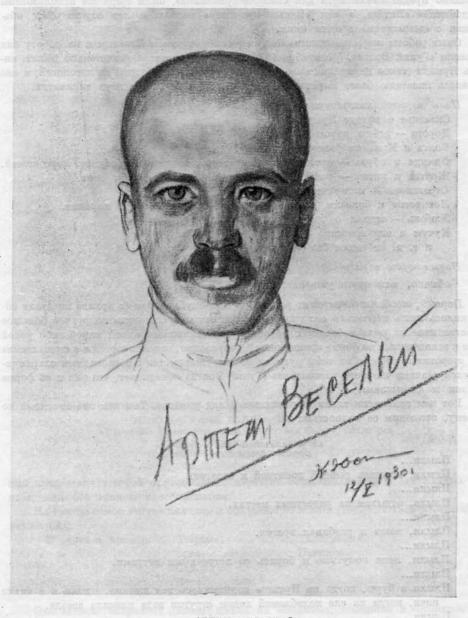
В современной речи слово «домысел» — это «необоснованное предположение» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1953). Для Артема Веселого оно имело совершенно иное значение, близкое к тому, которое зафиксировано в словаре В. И. Даля: «Догадка, разумное заключение, подводящее итоги размышлениям».

Следующие по времени написания «домыслы» — «Сова» (1928 г.) 3 и «Сад» (1929 г.) 4 написаны уже специально для цикла.

Одновременно с «домыслами» Артем Веселый работал еще над одним циклом небольших по объему произведений, о чем он сам рассказывал в 1933 г. на страницах «Литературной газеты»: «Я когда-то задумал написать ряд коротеньких вещей, по нескольку страничек, на темы русских песен. Вот какие это были песни: "Ухарькупец", "Ревела буря, дождь шумел", "Измученный, истерзанный", "Ванька-крюшник" (известный с детства Артему Веселому волжский вариант песни: герой — не ключник, а более близкий волгарям — крюшник. Артем Веселый неоднократно в разговоре утверждал, что второй вариант правильнее первого. — З. В. и В. М.), "Во поле березынька стояла". Одной из первых вещей была "Ванька-крюшник". Я ее написал и забросил. А "Гуляй Волга" (по теме песни "Ревела буря". —З. В. и В. М.) расписалась, и я написал вместо пяти страничек двенадцать печатных листов» 5.

Начало работы над романом «Гуляй Волга» относится к 1926—1927 гг.; следовагельно, мысль о произведениях на темы русских песен и попытка ее осуществления относятся тоже к этому времени.

Эти два цикла — «домыслы» и «коротенькие вещи на темы русских песен» — некоторыми чертами были близки друг к другу, хотя разграничивались автором на этом

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ
Рисунок К. Ф. Юона (карандаш), 1930 г.
С автографической подписью А. Веселого
Литературный музей, Москва

этапе. Однако взаимовлияние их было достаточно ощутимо: записи-заготовки, первоначально предназначавшиеся для «Ваньки-крюшника», были тогда же использованы в «домысле» «Битва», а сам «Ванька-крюшник» несколько лет спустя был объединен с «домыслами» в один шикл.

Опыт работы над «домыслами» был перенесен Артемом Веселым и на работу над романом «Гуляй Волга». 5 сентября 1929 г. он записывает: «Окончательно решаю писать Ярмака (такое написание имени Ермака встречается в одной из летописей, и оно казалось писателю более выразительным.— З. В. и В. М.) в двух вариантах.

План первого (литературная игра)

Сказанье о походе Ярмака.

Дорога — всё о дороге.

Волга и Кама на фоне Московской Руси.

Одежда и обувь — список, пусть читатель сам одевает и обувает персонажей.

Жратва и пития — список, пусть читатель сам кормит и поит.

Строгановы — исторические и поэтические факты.

Лекарства и болезни (перечень) - читатель сам лечит и хоронит.

Любовь — строки о любви.

Кучум и его воинство

и т. д. по темам без связи.

План второго варианта

обычно, как почти уже написано».

Первый, «необычный» вариант романа не был опубликован (в архиве писателя сохранилось лишь несколько его главок), но сам замысел составить целостное большое произведение из ряда небольших по объему, посвященных одной какой-либо узкой теме и законченных по форме произведений, безусловно, перекликается и с «домыслами» и с «короткими вещами на темы русских песен». Знакомство с несколькими сохранившимися главами «первого разнослова» «Гуляй Волги» показывает, что они и по форме близки к «домыслам».

Вот для сравнения глава «Музыкальный лад романа». Так как она невелика по объему, приводим ее полностью:

«Мугыкальный лад романа

Плыли...

Плыли, кормясь рыбной ловитвой и отвагою.

Плыли...

Плыли, отдыхая на радостных местах.

Плыли...

Плыли, воюя и разбивая врагов.

Плыли...

Плыли, ловя попутные и борясь со встречными ветрами.

Плыли...

Плыли в бурю, когда на Иртыше поднималась вся щетина, плыли и в тихие ночи, когда на еле колеблемой ходом стругов воде плясала звезда.

Плыли...

Бродом брели и плывом плыли».

В архиве имеется общий план всего цикла «домыслов», относящийся, вероятнее всего, к 1929 г.: «Домыслы, 4 былины (старины), 4 будины, 4 нынины. 1. Руки спящего. 2. Книга. 3. Мум. 4. Кавказ (...) 5. Белый город. 6. Вождь. 7. Сова. 8. Сад. 9. Тюрьма. 10. Слово. 11. Смерть. 12. Большая родина».

По этому плану видно, как Артем Веселый представлял себе общий характер и построение цикла «домыслов». Цикл должен был состоять из двенадцати стихотворений, четыре из которых должны были дать образы прошлого, четыре — настоящего и четыре — будущего. Но конкретного приурочения стихотворений к тому или иному разделу еще не произведено, следующий после общего заглавия список двенадцати назва-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. ВЕСЕЛОГО НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ

КНИГИ «ГУЛЯЙ ВОЛГА» (М., 1933): «Викентию Викентьевичу Вересаеву чем богат, тем и рад 1933 ноябрь Артем Веселый» Литературный музей, Москва

ний представляет собой произвольный перечень осуществленных и задуманных произведений без всякой классификации.

На том же самом листке находим и позднейшую запись (1932 или 1933 г.), имеющую такой вид:

В зеркале времен.

Тюрьма.

Типография. Вавилон.

Сад.

Копья судьбы 6.

Эта запись сохраняет деление цикла на «былины», «нынины» и «будины».

Уже в первом «домысле» Артемом Веселым была найдена форма, ставшая затем общей для всех стихотворений цикла. Стихотворение состояло из трех двенадцатистрочных строф, предваряемых тринадцатой строкой, являющейся зачином и образным выражением мысли, развиваемой далее в строфе. В стихотворениях «Битва» и «Книга» это деление на строфы подчеркнуто еще специальной нумерацией строф.

В традиционной стихотворной практике отдельная строка выделяется графически по ритмическому признаку. У Артема Веселого в «домыслах» строки — это отрезки, относительно законченные логически и синтаксически. В обычном прозаическом тексте такие отрезки отделяются от последующих разделительными знаками: запятой, точкой или точкой с запятой. При графическом разделении текста на смысловые строки эти знаки препинания в конце строк становятся ненужными, и Артем Веселый опускал

их (сохраняя вопросительные и восклицательные, а также и разделительные знаки препинания внутри строк). Такая пунктуация время от времени вызывала недоумение издательских работников. На полях гранок сборника «Большой запев» (изд. 3-е, М., 1931) против каждого «домысла», не имеющего знаков на конце строк, стоит большой знак вопроса и надпись редактора: «Знаки препинания?» Ниже — ответ Артема Веселого: «Так и оставить, как есть. А м. б., если найдете необходимым, то расставьте точки и запятые и точки с запятой так, как они расставляются обычно с тех пор, как люди выдумали письменность». Артему Веселому не всегда удавалось убедить редакторов и корректоров в возможности обойтись без «точек и запятых и точек с запятой», но при каждом новом издании, вплоть до 1932 г., он старался в «домыслах» снимать излишние, по его мнению, знаки препинания. И только в 1934 г. Артем Веселый ввел в «домыслы» традиционную пунктуацию.

Имеющиеся в архиве три последовательных, но далеко не первых варианта «домысла» «Сова», относящихся к концу 1928 — январю 1929 г., показывают, как поистине ювелирно работал Артем Веселый над стихотворениями. Каждый из этих вариантов отличается стилистическими исправлениями, изменениями в порядке строк, обусловленными поисками предельной краткости и выразительности образа за счет отбрасывания необязательных деталей.

На последнем варианте работа над стихотворением не окончилась. В конце рукописи имеется авторское примечание: «Выверить: каждую строку, порядок расстановки строк, выдержать одно время, уравновесить 12-строчия. Композиция домысла в целом. Заменить плохие строки строками резервными или совсем новыми». Первопечатный текст «домысла» в сборнике «Московские мастера» (М.— Л., 1929) показывает, что эта «выверка» была произведена.

С 1929 по 1932 г. «домыслы» не пополнились ни одним законченным новым стихотворением. Начатые ранее стихотворения «Битва», «Слово», «Червь», «Старик», «Книга» не пошли далее характерных для метода работы Артема Веселого отдельных записей, строк, образов и групп строк. От завершения этого цикла писателя отвлек новый замысел, заключающийся тоже в создании цикла коротких рассказов — этюдов к роману «Россия кровью умытая». «Этюды, — писал Артем Веселый в одном из планов романа, — это коротенькие, в одну-две-три странички совершенно самостоятельные и законченные рассказы...» В плане цикла «домыслов» 1929 г. упоминается стихотворение под названием «Кавказ», в стихотворение этот замысел не оформился, но лирический отрывок на эту тему был напечатан под названием «Лирическое наступление» с подзаголовком «Этюд к роману "Россия кровью умытая"» 7.

В августе—ноябре 1933 г. Артем Веселый произвел разборку своего архива, выбрал из него неиспользованные записи, свел их воедино и переписал на машинке.

Когда были разобраны материалы, относящиеся к «домыслам», писатель активно принимается за работу над ними. Как и прежде, он считает необходимым объединить все стихотворения в цикл, но теперь цикл получает новое название — «Золотой чекан», и все позднейшие заметки к циклу, независимо от того, к какому конкретно стихотворению они относятся, помечаются автором условным знаком: «З. Ч.»

Все опубликованные ранее стихотворения Артем Веселый заново отредактировал, переписал набело на машинке и выправил машинопись. В этой машинописи нет порядковых номеров при названиях каждого стихотворения, нет и общего заглавия (возможно, что лист с общим заглавием просто потерян), но внешний вид рукописи убедительно свидетельствует, что все включенные в нее произведения образуют единый цикл и подготовлены для издания.

В 1933 г. Артем Веселый, наконец, закончил глубоко и мучительно выстраданное стихотворение «В клещах беды», написанное на смерть сына, пятилетнего Артемушки, попавшего под трамвай в мае 1931 г. Машинопись 1933 г. включает в себя следующие произведения: «Тюрьма», «Жена и женух» («Сова»), «Сад ты мой сад», «В клещах беды». В таком виде цикл напечатан не был, и только стихотворение «В клещах беды» появилось в журнале «Красная новь» (1934, № 8).

Изменения, внесенные автором в этот последний по времени вариант ранее опубликованных стихотворений, очень значительны. Достаточно указать лишь на то, что

иллюстрация д. Б. Дарана к роману а. веселого «россия кровью умытая»

> Рисунок пером, 1934—1935 гг.

Из цикла иллюстраций для третьего издания романа (М., 1935)

> Литературный музей, Москва

по сравнению с текстом 1932 г. в стихотворении «Тюрьма», состоящем (как и все стихотворения цикла) из 39 строк-стихов, подверглись переработке 17, в стихотворении «Жена и женух» — 23 строки, в стихотворении «Сад» — 30 строк.

Изменения, внесенные в стихотворение «Тюрьма», имеют для его содержания принципиально важное значение: благодаря им стихотворение приобретает новый смысл. Во всех ранних вариантах подчеркивалась страшная, тупая, но необоримая сила тюрьмы, убивающая волю и ум, порождающая лишь измену, предательство и преступления, это — гневное проклятье тюрьме, проклятье человека, который уже бессилен бороться против тупой и страшной силы тюрьмы. Именно в таком состоянии находился Илько, герой рассказа «Дикое сердце», и вставка в рассказ, из которой развилось это стихотворение, как раз призвана была отразить его переживания. В контексте рассказа подобный взгляд закономерен. Но едва лишь автор приступил к переработке, как односторонность стихотворения бросилась ему в глаза, и к характеристике тюрьмы — «крепости тиранов, твердыни земных владык... могилы для живых» прибавились новые, может быть, наиболее важные черты. Теперь автор изображает тюрьму, как орудие угнетения трудящихся («трударей») в руках капитала и фацизма, отмечает, что борьба «трударей» продолжается и в стенах тюрьмы. Вот несколько вновь вписанных строк, очень наглядно показывающих эти изменения: «Тюрьма... где далекие гудки паровозоходов накаляют мечту о побеге... где так горячи мечты о мести... где старый мир готовит кадры грозных мстителей и великолепных режиссеров и дирижеров грядущей мировой революции».

Стихотворение получило и новое посвящение: «Пленникам фашизма» (напомним, что это был 1933 год), тогда как в предыдущих изданиях посвящалось «узникам мирового капитала».

Из стилистических изменений важно исключение строки с неудачным неологизмом: «где тюремщики стерегут тюрьмарей». Это исключение не означает, что Артем Веселый вообще отказывается от неологизмов, так как ниже появляется новый неологизм «трудари» — «трудящиеся», но показывает лишь то, что Артем Веселый упот-

ребляет их с большим отбором. К выразительной силе авторского неологизма Артем Веселый прибегает и в заглавии одновременно переработанного стихотворения «Сова», которое теперь стало называться «Жена и женух». Заменяя обычное слово «муж» словом «женух», автор как бы подчеркивает полную потерю мужем своей индивидуальности и полное подчинение воле жены до потери своего родового наименования и замены его производным. (Можно отметить аналогичное образование в очерке 1935—1936 гг. «Дорога дорогая»: «В убогой лодчонке, точно персонажи пушкинской сказки, сплывают старух со старухою. Старуха — суровое и еще цветущее красотою лицо — сидит в распашных веслах, а старух выбирает сеть и часто — мелким говорком — приговаривает:

— Хоть и меленька, а есть... Хоть говенненька, а наша...» 8).

В этой же редакции появляется удачный эмоциональный неологизм «жукашка» в стихотворении «Сад ты мой сад»: «Из чашечки цветка какая-то жукашка шепнула пролетавшему мимо жуку: "Я здесь"». Это не просто легкая, блестящая игра языка, новое слово как бы озарило строку солнечной ласковой улыбкой.

Стихотворение «Сова» получило не только новое название, но и приобрело несколько иное звучание. Автор снимает несколько образов и строк, акцентировавших внимание на эротических моментах. В новой редакции стихотворения трагедия любви, опошленной, смятой ложью «в угоду молве и обстоятельствам», предстает страшной духовной трагедией, и тем самым стихотворение приобретает более глубокий смысл.

«Сад ты мой сад» — гимн великолепному богатству и многообразию мира и бытия, гимн обостренному поэтическому слуху и зрению, о котором говорил поэт: «И внял я неба содроганье, И горний ангелов полет, И гад морских подводный ход, И дольней позы прозябанье». Каждая строка стихотворения «Сад ты мой сад» заключает в себе глубокий подтекст, она обобщена и символична. Работа над вариантом «Сада» 1933 г., кроме стилистической правки, шла по пути стремления каждую мысль-декларацию передать образом, раскрыть всю ее глубину и не свести ее многогранность и многоплановость к одному какому-либо сухому, рационалистическому выводу. Были сняты не передающие всего богатства образа общие риторические фразы-заключения, такие, как «Сколько во всем непостижимой премудрости!» (строка 14-я), целиком выброшена строка: «Так разны плоды одного корня, возросшие в неодинаковых условиях: вот поле для размышления над улучшением человеческой природы».

В это же время Артем Веселый вернулся к давнему замыслу, связанному с произведениями на темы русских песен,— к «Ваньке-крюшнику». Написанный в 1926—1927 гг. текст этой вещи или потерялся, или был отвергнут автором. Во всяком случае работа над ней начинается сначала: со сбора материала. Мы можем проследить начальный этап работы над этим стихотворением.

На листах подготовительных материалов к «Гуляй Волге» — «Любовь» и «Ярмарка» — поверх этих тематических названий появляется новое: «Ванька-крюшник», и на этих же листах делаются вставки, относящиеся специально к этому стихотворению. И тогда же на этих заметках появляется помета «З. Ч.», означающая, что и это стихотворение также должно войти в цикл «Золотой чекан».

В последующие годы работа над стихотворениями продолжалась. Так, в 1934—1935 гг. Артем Веселый закончил два стихотворения: «Книга», название которого имеется в плане 1930 г., и «Битва». Кроме того, появляются черновые записи к новому стихотворению «Бывшему другу».

Последним, внутренне и по форме близким к циклу «Золотой чекан» произведением Артема Веселого было опубликованное в феврале 1937 г. в журнале «30 дней» восьмистрочное стихотворение «Пушкин».

Пушкин!

Кто не смеялся и кто не лил слез над его строками?

Чье сердце не сжималось болью над его горькой судьбиной?

Пушкин и Хлебников — мои любимые поэты.

С юности и до последнего вздоха.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РОМАНА А. ВЕСЕЛОГО «РОССИЯ КРОВЬЮ УМЫТАЯ»

(M., 1933)

Гравюра С. Гуттенток

Пушкин блеском своего гения осветил мою раннюю молодость, проведенную в логове рабочей слободки.

Том пушкинских стихов я таскал с собой в вещевом мешке в годы гражданской войны по всем фронтам.

Пушкина и посейчас в минуты острой печали или радости достаю с полки и пью, не напиваясь.

Таким образом, по последнему замыслу Артема Веселого «Золотой чекан» должен был стать собранием небольших по объему, одинаковых по форме произведений, которые по общепринятой и распространенной, но весьма условной классификации мы можем назвать стихотворениями в прозе.

Теперь представим весь цикл в той полноте, какую позволяют материалы, сведя воедино все известное о его составе.

Одну группу составляют законченные шесть стихотворений: 1 — «Тюрьма»; 2 — «Жена и женух»; 3 — «Сад ты мой сад»; 4 — «В клещах беды»; 5 — «Битва»; 6 — «Книга».

Далее идут стихотворения, неизвестные нам в полном виде и представленные лишь подготовительными записями: 7 — «Старик»; 8 — «Слово»; 9 — «Червь»; 10 — «Бывшему другу»; 11 — «Ванька-крюшник»; 12 — «Кавказ».

Наконец, стихотворения известные из планов 1929 г. и 1933—1934 гг. только по названиям: 13 — «Мум» ⁹; 14 — «Руки спящего»; 15 — «Белый город»; 16 — «Вождь»;

17 — «Смерть»; 18 — «Большая родина»; 19 — «В зеркаде времен»; 20 — «Типография»; 21 - «Вавилон».

К этому списку необходимо добавить, что в записях Артема Веселого, предназначавшихся для «Золотого чекана», мы находим строки, которые по содержанию не могут быть отнесены ни к одному из перечисленных выше стихотворений и, вероятно, являются заготовками для каких-то других, названия которых нам неизвестны.

Даже этот краткий обзор дает представление о том, насколько обширен был замысел писателя.

В состав настоящей публикации входят:

1. Законченные произведения: переработанные в 1933 г. тексты ранее опубликованных стихотворений «Тюрьма», «Жена и женух», «Сад ты мой сад», «В клещах беды» и неопубликованного — «Книга».

Тексты публикуются по авторизованным машинописным копиям.

2. Незаконченные произведения: «Старик», «Червь», «Слово», «Кавказ», «Бывшему другу».

Тексты публикуются по рукописям. Во всех рукописях, кроме «Кавказа», имеется помета, что материал использован для дальнейшей работы.

- 3. «Вань ка-крюшник». Подготовительные записи, которые публикуются по рукописям и машинописным авторизованным копиям; часть записей выбрана из «Всячины» и из текста четырех машинописных странии, имеющих общий заголовок «Ванька-крюшник», причем опущены записи, явно относящиеся к другим произведениям. Последовательность записей установлена публикаторами, так как никаких авторских указаний на этот счет нет.
- 4. Из «В сячины». Полготовительные записи к отдельным стихотворениям. Подготовительные записи Артем Веселый делал на отдельных, случайных листках, причем на одном и том же листке обычно имеются записи к нескольким, совершенно разным произведениям. Потом эти записи механически и в том же случайном порядке переписывались на машинке. Отдельные листки с различными записями и машинописные своды Артем Веселый в верхнем правом углу помечал словом «Всячина». В архиве имеются также листки, в которых сгруппированы записи к одному какому-либо произведению или ко всему циклу «Золотой чекан» со специальными пометами об этом, но, начатые строго тематически, они часто заканчиваются записями, не имеющими отношения к произведению, указанному в заголовке.

В настоящей публикации представлены лишь те записи, связь которых с циклом «Золотой чекан» может быть установлена более или менее точно. Записи, вошедшие без изменений в тексты стихотворений, нами опущены.

Даты под стихотворениями везде авторские и указывают время окончания работы над первым вариантом. Подчеркивания отдельных слов (в нашем тексте курсив) принадлежат автору, означая, что данное слово не удовлетворяет его и в дальнейшем подлежит замене более точным и выразительным.

Публикация материалов, относящихся к творческой истории «Золотого чекана», вводит читателя и исследователя в лабораторию писателя, знакомит с интереснейшим литературным замыслом и расширяет представление о творчестве Артема Веселого.

примечания

- 1 «Книжные новости», 1936, № 1 (10 января), стр. 2. 2 «30 дней», 1937, № 2, стр. 48.
- ³ Напечатано в альманахе «Московские мастера» (М.— Л., 1929).
 ⁴ Напечатано в журнале «Новый мир» (1929, № 12).
 ⁵ «Литературная газета», 23 апреля 1933 г.

- 6 Впоследствии стихотворение получило название «В клещах беды».
- ⁷ Журнал «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1928, № 3, стр. 41.
 ⁸ Артем Веселый. Избранные произведения. М., 1958, стр. 637.
- ⁹ В архиве Артема Веселого имеется несколько страниц из альманаха «Корсна» (вып. 1. М., изд. В. М. Саблина, 1908) с рассказами Дим. Крачковского «Смерти». Отчеркивания на полях и пометы «Мум», встречающиеся на них, несомненно свидетельствуют о том, что этот материал предполагалось как-то использовать для написания стихотворения под этим названием.

ТЮРЬМА

Пленникам фашизма

Тюрьма...

Где глаза людей выжжены печалью.

Где сердца каменеют.

Где железо властвует над человеком.

Где не слышно детского лепета и смеха.

Где гнездятся измена и предательство.

Где деспоты выращивают палачей.

Где песнь страшнее плача.

Где зарождаются и зреют преступления.

Где бьется о глухие стены море отчаянья.

Где могучие воли и бесстрашные умы обречены на умирание.

Где кисть маляра ослепляет нацарапанные по стенам крики.

Где далекие гудки пароходовозов накаляют мечту о побеге.

Тюрьма...

Где улыбка и та осторожна.

Где страдание замуровано в немой камень.

Где любовник не обнимает любовницу.

Где ночи полны дурных снов и зубовного скрежета.

Где тусклые лица стерты и похожи на жестяные кружки.

Где мускулы вплетены в железо и зацементированы.

Где лишь немногие сохраняют душу живу.

Где так горячи мечты о мести.

Где царит безмолвие и никогда не бывает пусто: в каторжных тюрьмах устав запрещает заключенным разговаривать.

Где злоеды пожирают хлеб, а руки работников пребывают в бездействии.

Где буемыслы, голодари и трудари разных рас, племен и наречий одинаково несчастны.

Где старый мир готовит кадры грозных мстителей и великоленных режиссеров и дирижеров грядущей мировой революции.

Тюрьма, тюрьма...

Крепость тиранов.

Твердыня земных владык.

Дом задушенных рыданий.

Могила для живых.

Тьма, горе, яма и петля.

Твой камень источен слезою, стены закопчены тоскою.

Непоколебимая, как тупость, ты плывещь из века в век.

Законники облепляют тебя, как вши: они сосут твою кровь и гной.

Тень твоя одинаково обезображивает лик царств и республик. Ветер обходит тебя стороною, птица не вьет гнезда́ на твоих башнях. Пребываешь, гнусная, в гнусности своей, прикрыв пыльные запаутиненные глаза убийцы.

Когда над миром загремят грозы и взовьются наши ликующие знамена — на тебя, тюрьма, будет обрушен наш яростный вой и первый сокрушающий удар!

жена и женух

Любовная гимнастика, налка и барабан.

Когда оба до смерти надоели друг другу, но продолжают вести нечистую игру.

Когда лобзанья медленны и тупы, а речи так лживы, так пусты... Когда он уже знает ее всю наизусть, как таблицу умножения,

и вдоль и поперек.

Когда, скучая, она созерцает в нем, точно рыбок в аквариуме, все его пороки.

Когда самые страшные мученья ада реально воплощены: оба по горло в воде, но не могут утолить жажды.

Когда дни похожи один на другой, как сукины сыны, а восторги убоги и заранее будто циркулем размерены.

Когда они, будто в расколотое зеркало, смотрятся друг в друга, и стоят один другого.

Когда оба, в угоду молве и обстоятельствам, отказываются от всего, что манит и зовет.

Когда шуточка не шутится и раздражение неотступно следует за ними.

Когда скука прожорлива: как моль, как ржа, как тля, она съедает всю жизнь.

Когда пиршествует грубость и бытие разнообразится только ссорами да вздорными пустяками.

Когда он и она считают себя жертвами, в то время как являются по отношению друг к другу палачами.

Отвисшая губа, свинцовый поцелуй, глаза, заросшие сном, мхом, чертополохом.

Когда невыносимо чужое счастье.

Когда все тайное стало явным и запретное доступным.

Когда оба сидят друг против друга, как два больных зуба.

Когда закисает каждая кровинка, а сердце задыхается и гаснет. Когда давно уже откочевал в прекрасное далёко табор веселых выдумок и милых шалостей.

Когда любовные утехи становятся таким же нехитрым занятием, как часпитие.

Когда нищенское благополучие и есть желанный рай столь многих. Когда былые радости вспоминаются, точно какое-то досадное железнодорожное недоразумение.

Когда цинизм и низость лобызаются, а ханжество и судорога притворства ведут бесконечный танец.

Когда над ее завитой головкой сияет великолепное спокойствие, неомрачаемое ни единой стоющей мыслыю.

Когда и он давно увял в тени семейного очага: ум его стал мелочным, а задавленная темным сном душа — ничтожной.

Когда в супружеской постели бывает так скушно, что в пору гармонистов и песенников под кровать сажать...

Огонь и искра, солнце и свет.

Ласковый ветер и златолобое солнце за окном вагона, а рядом — она, словно досадный пейзаж, от которого ни уйти, ни уехать.

Мы будем верны друг другу до гробовой доски,— широко разевая рот, сказала она.

Он отвернулся. Тощая серая слеза перебежала поле его щеки и канула в бороду.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ Рисунок А. А. Куренного (итальянский карандаш), 1920-е годы Центральный архив литературы и искусства, Москва

И еще что-то говорила она. Он забывал ее слова раньше, чем эхо этих слов умирало в углах купе. Она рано улеглась спать. Ему было так скушно, что даже дышать

не хотелось.

На станции он вышел. Сияние звезд и прохлада весеннего вечера немного успокоили его.

— Смотри! — воскликнул он, возвратившись в купе с большим букетом. - Как они прекрасны.

Она подняла с подушки заспанное лицо с печаткой кружевного узора на щеке и тупо, как сова на молнью, поглядела на блещущие верной красотой розы.

А утром удивилась, увидев женуха с обрывком веревки на шее. Он сидел за столиком, заставленным множеством пустых бутылок, и злобно мечтал.

Самый необузданный разврат объял и влек его затравленную мысль.

А она, будучи женщиной рассудительной, принялась за варенье — до сластей была превеликая охотница.

Розы ржали.

1928

САД ТЫ МОЙ САД

На заре старый дрозд был разбужен птичьим гомоном — вокруг уже бодрствовали и на разные лады пробовали голоса славки, малиновки, синицы, соловушки.

Тут береза распрямляет упругую ветку.

Там клен распускает первый клейкий листок.

От набухшей вишневой ветви веет весной.

Сияют умытые росою ландыши, им еще грезится зима.

Маки горят, как торжество.

Каждая травинка немо славит утро.

Листья в зеленом пуху.

Под взволнованный птичий щебет зацветает и распускается куст шиповника.

Кактус, подставляя зеленые ладони, ловит долетающие из фонтана брызги.

Под светлым ветерком сребристый тополь волнуется, подобен потоку, полному глубокой силы.

Береза так легка, что, кажется, вот-вот взмахнет сквозным крылом и улетит, расхорощая.

Гигантская сосна уходит вершиною под самые облака, и чается, вот-вот она запоет какую-то еще неслыханную на земле песнь.

День разыгрывается. Старый дрозд смотрит на летящие над садом облака. Мир и тишина в саду, безгневны и светлы речи птиц.

На сосновом сучке выкипает первая смолка.

Какое кругом многообразие форм, запахов, цветов и отцветков... Цветы, что снежинок мельче и легче тени порхающей бабочки, а на плавающих в бассейне мясистых листах виктории дети могут играть в мяч.

Иное дерево не берет и топор, а стыдливая мимоза свертывается не только от прикосновения, но и от одного взгляда угрюмого человека.

Былинка, не дающая тени на солнце, произрастает около корней мексиканского дуба, имеющего пятнадцать метров в поперечнике.

Сколько тысячелетий подпочвенные воды мыли корни орхидеи, имеющей пятнадцать тысяч видов?

Резеда, магнолия, чей запах совершеннее самых совершенных произведений искусства, африканские же стапелии смердят падалью.

Растения юные и вымирающие, домоседы и бродяги. Береза пришла в Сибирь с русскими дружинами в XVI веке; дерево гингко еще в доисторическую эпоху откочевало с равнин нынешней Европы в Китай и Японию и лишь недавно возвращено на свою прародину.

Светлый ветер перебирает ветви дерев, по траве-мураве перели-

вается огненный узор.

Из чашечки цветка какая-то жукашка шепнула пролетавшему мимо жуку: «Я здесь».

В зелени плюща, как смех Кармен, сверкает выющаяся гималайская роза; поднимается ли в ней температура в пору цветения и любви?

Из-под забора буйно прут лопухи и репейник, разросшиеся нерадением садовника; с грустью думается о наших достижениях в литературе, музыке, живописи, архитектуре.

Вечер, вокруг разлита кроткая печаль, старый дрозд укладывается

на покой.

Листва шелестит в дремоте.

Цветы, словно в молитве, склоняют головы.

Последний луч гаснет на стволе березы.

В тесной аллее тоскует о своей далекой родине библейский кедр. Аромашки, аромашки... Вспомнилось что-то из дней юности далекой.

Какая-то цветыня, коей я не знаю названия, раскачивается под мгновенно пролетевшим ветерком, точно танцовщица в медлительном танце.

Тропические папоротники похожи на распущенные волосы красавиц, которых в наше время мало уже и осталось; они переводятся, как зубры.

Голубой лотос — Индия и Египет, угасшие веры, вымершие наро-

ды, вечное круговращенье жизни.

Зеленые тени, прохлада. Прозревшая мысль летит, мне становится понятней Иван Грозный, чей образ долго еще кровавой звездою будет мерцать над страною.

Будто грешные души, стайкой пронеслись грачи, и все стихло... В кустах слитный сумрак.

Тишина... Слышно дыхание дремлющей на цветке пчелы.

1929

В КЛЕЩАХ БЕДЫ

Дикая ухмылка дикого случая— на улице средь белого дня погиб пятилетний сын.

Далек был твой путь, сынок, славные дела ожидали тебя...

Лежишь смирнехонько... Губы твои запеклись, занемели.

В лесах и полях пирует весна, а тебя нет.

Бульвары полны детей, мир полон детей, а тебя нет.

Чаял: восстанет в тебе сила и слава моя и — вот! — тебя нет.

Твой лепет был для меня полон глубокого значения.

Увижу тебя во сне... О, лучше б мне не просыпаться!

Поплыву по рекам и морям, тебя не будет со мною.

Затоптан, измят твоего лица цветок.

Каждая кровинка во мне в смятеньи рыдает.

Через всю жизнь — до самой могилы — точно горб понесу я свое горе.

Поковыляю до отбитой мне судьбою черты, и в смертный час мой последний стон будет о тебе, сынок.

Ветер дикой скорби качает меня, рвется сердце с причалов своих...

Под дробь барабана пройдут пионеры, мне вспомнишься ты.

На конях проскачут солдаты, мне вспомнишься ты.

Под окно прилетят голуби, мне вспомнишься ты.

Наткнусь на калеку, мне вспомнишься ты.

Увижу гимнаста, мне вспомнищься ты.

Возьму с полки книгу, мне вспомнишься ты.

Во дворе тявкиет собачонка, мне вспомнишься ты.

Услышу смех, услышу детский плач, мне вспомнишься ты.

Пахнёт ветер, что обвевал твое разгоряченное в беге лицо, мне вспомнишься ты.

В цветке полевом я узнаю тебя.

В сияны далекой звезды я узнаю тебя.

В журчаньи ручья я услышу тебя, мой дружок.

О, проклятый день! О, черный час!

Иссяк родник надежды моей.

Обуглены крылья надежды моей.

Ввергнута в гроб надежда моя.

Подломились колени надежды моей.

Оборвалось дыханье надежды моей.

Все кончено.

Сын умер.

Куда пойду и что буду делать?

Пуста душа моя.

Подрублены воды жизни моей.

Живой завидую мертвым.

Отчаянье ревет во мне.

Горе мое всесильно, как вода, — плыву, тону и захлебываюсь своим горем.

Я оглох, я ослеп.

Май, 1931

КНИГА

7

Завернем, дружок, в лавку букиниста, помечтаем над книгами... Какая серость шрифтов.

Какое удручающее однообразие печатных пустынь.

Тут иллюстрация подана, точно через рябое стекло.

Там музыкальная фраза надломлена переносом на новую страницу.

[Подобны червям на падали, кишат опечатки.]

Мудрое и глупое слово идут по тропе одной строки.

Полчища букв, похожих одна на другую, как дождевые капли.

Строгость стройных строк там, где нужно волнение.

Одним шрифтом набраны и отпечатаны Хлебников и Халтаузен.

Проза — солома, мякина, чертополох.

Поэзия... В болото бы сего пиита изучать ритмику стиха у лягушек.

Критика — мягко говоря — святочных масок пляска.

2

Нас гнетет несовершенство вещей... Когда же, наконец:

Меж строк прорастет трава?

В зарослях зеленых строк крякнет утка?

Со страницы загремит морской прибой?

В книге о гибели «Челюскина» застонет и загудит штормовой океан? Из пушкинского стиха, точно из куста, сверкнет соловьиный свист? Емкость книги? Вкус книги? Запах книги?

Волнение и трепет страстей в строке?

Поэт + музыкант + живописец?

Когда же, наконец, строки закипят по странице, подобны листьям весенней березы?

Строки заплещутся по странице, словно праздничные флаги над кораблем?

В книге — рельеф гор, глубина реки, простор степей?

Знак — ?, знак — !... А где же знаки удивления, недоумения, досады, восторга, ненависти, приязни?

3

Мы верим, мы знаем, мы угадываем — день близок.

Бумага начнет лягаться.

Взору злодея будут недоступны стихи.

Слово бездарное, слово лживое, слово глупое будет скатываться с печатного листа, как скатывается ртуть с полированной поверхности.

Будет заоркестрован, вплетен в строку плач и смех.

Зимняя строка будет запушена снегом и подернется искрой инея.

В лирической строфе особо нежные слова будуг мерцать, подобны звездам.

Фраза — на страх бездарным — будет декольтирована и уже не сможет скрыть убожества своих форм за придаточными и вводными.

Детская книга, поистине, будет являть собою чудо.

Со страниц Жюля Верна на юного читателя дохнет палящим зноем тропических стран; дрогнут строки текста, и из строк, словно из пенящихся волн, вылетят на всех парусах окутанные пороховым дымом корабли — грянет битва.

Кони будут ржать и скакать со страницы на страницу.

Герой будет бледнеть, краснеть, улыбаться; у героини из-под дрогнувшей ресницы выкатится слеза.

Описание заката — по странице сеются сумерки, страница дочитана, на страницу хлынула ночь — меж потемневших, неразличимых строк блеснут звезды.

Где ты, рука мастера?

СТАРИК

Полными глотками пил из кубка наслаждений, грел на груди все скорби.

Плутал в садах [наслаждений] мечты, с горы прозрений *озирал* века прошедшие и будущие.

Пора, пора старым костям на покой.

Солнце моей жизни близко к закату. Пора, пора собираться в последний путь.

³⁴ Литературное наследство, т. 74

Мои ноги пили росу, а глаза — просторы всех морей.

Томимый тоскою, как в хладные струи потока, я входил в книги и освежался.

Утреннее (раннее) солнце грело меня, любовался закатами и звездным полем.

Птицы в саду славили мою молодость и силу.

Был на войне — убивал и сам переплывал потоки смертельного огня. Дожди и ливни секли меня, ветер сушил.

Первый снег скрипел под моей упругой ногой.

Я страдал и ревновал, терял и находил.

Я питался девичьим мясом, запивал его вином.

Степь поила меня полынными ветрами.

С подругой топтал весенние цветы, вдыхал (запахи?) соснового бора.

Скакал на коне, нырял в стремительные воды, плавал по морю.

Был солдатом и бродягой. Бесконечные пути — костры, парус.

Слух, зрение, осязание, обоняние, вкус.

ЧЕРВЬ

Ученый оживлял иссохшие цветы, а себя не можешь оживить. Аршином мог измерить ветер, мог взвесить тяжесть огня, вес рушившейся на берег волны.

Все превратилось в навоз и червей.

Попирал владык, как грязь, топтал как горшечник глину.

Последние миги, удлиняясь как вечерние тени, сольются с ночной темью. (Ночь поглотит их.)

Последние всхлипы и бормот — тишина.

Тишина, покой, мрак.

Испуг и скорбь потонут в догорающих глазах твоих, как тонет в струях потока, кружась и мерцая, осенний лист. Остановится дыхание твое, и на сознание [твое] падет завеса забвения.

(СЛОВО)

Я подбираю цветные слова без устали, граню и шлифую их и перестраиваю и так и эдак, и вот строка сияет $pa\partial y co\ddot{u}$, и каждое слово, усиливая силу граничащих с ним слов, не теряет и собственного блеска.

Мысль улетает в соцветие слов, как в тучу белый аист.

Слово — это масло в светильнике, питающее пламя мысли.

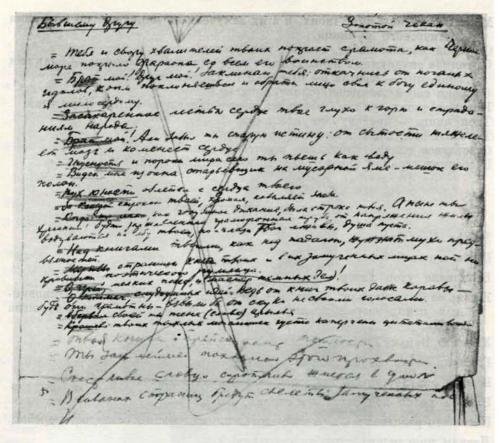
Слово — верблюд, издыхающий под непомерным грузом предва<ятых > идей.

Слово — зеркало звука.

В слове — улыбка цветка и жалобы струны.

КАВКАЗ

Где с гор с разбега бросается в море, зарываясь в пену, Терек. Где неумирающие летние зори ночуют в голубеющих ледниках.

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ А. ВЕСЕЛОГО «БЫВШЕМУ ДРУГУ»

Из цикла «Золотой чекан». Черновой автограф, 1935 г.

Собрание З. А. Веселой, Москва

БЫВШЕМУ ДРУГУ

Тебя и свору хвалителей твоих покроет срамота, как Чермное море покрыло фараона со всем его воинством.

Брат мой! Друг мой! Заклинаю тебя: откачнись от поганых идолов, коим поклоняешься, и обрати лицо свое к богу единому и милосердному.

Засахаренное лестью сердце твое глухо к горю и страданиям народа. Брат мой! Али забыл ты старую истину: от сытости тяжелеет мозг и каменеет сердце.

Гнусность и пороки мира сего ты пьешь как воду.

Виден мне из окна старьевщик на мусорной яме — мешок его полон. Пух *юности* облетел с сердца твоего.

За каждой строкою твоей, хромая, ковыляет злоба.

Когда-то легка, как голубиное дыхание, была строка твоя. А ныне ты хрипишь, будто заржавленная граммофонная труба, от напряжения жилы вздуваются на лбу твоем, но — глаза твои лживы, душа пуста.

Над книгами твоими, как над падалью, жужжат мухи предвзятостей. Мертвы страницы книг твоих, и в их замученных лицах нет ни кровинки поэтического румянца. О, герой мелких побед, темных дел мастер!

О, толмач скудоумных идей. Ведь от книг твоих даже коровы — будь они грамотны — взвыли бы от скуки не своими голосами.

Оборвал своей ты песне (славе) крылья.

Крошево твоих тухлых мыслишек густо наперчено цитатами вождей.

Твоя книга — прейскурант пошлости.

Ты заклеймен похвалою этого прохвоста.

Счастливое словцо сиротливо жмется в угол.

В саванах страниц бредут скелеты замученных идей.

ВАНЬКА-КРЮШНИК

Марфа Всеславна.

Шуба седых бобров.

Вышивала узор хитер.

Жизнь ее была мирная. Жила, как в тихое озеро гляделась. Диковинных птиц, зверей и цветы шелками вышивала, тонки кружева плела.

Увидала Ваньку, сердце бьется, не плетутся кружева.

Глянула — его мороз подрал.

И была она хороша да пригожа, как яблоня в цвету.

Ванька ходил под окнами и стонал, как зверь.

Песнь его раздавалась в ушах красавицы, как ржанье молодого жеребца.

Девкам пригляден, к любви счастливый.

Чужа-мужняя жена, грех-грех мимо красоты пройти.

Всяк ищет упалого зернышка.

У ней кровь в лице, будто у заяцы.

Сидит, как свеча горит.

Бровь остра, как народившийся месяц.

Жаворленочек.

Статная, как черный лебедь.

Соколочка.

Он не смел на нее глянуть, как на солнце.

Где упадет ее слеза, там цветок пыхнет.

Вода непитая, неотведанная.

Павушка, величавушка моя.

Пристально, не мигая, смотрели на нее две зажженные свечи.

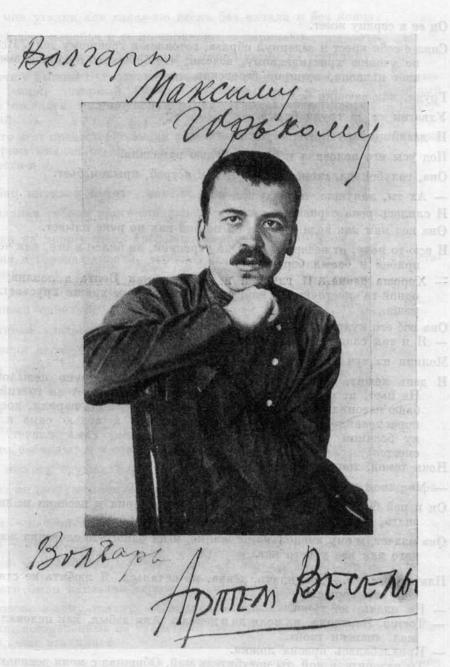
Голос чистый и светлый бил из нее, как из-под камня родник.

— Меня матушка родила в саму заутреню под звоны колокольные.

Под сердцем у меня соловей гнездо свил, под сердцем соловьи свищут.

— Вся ты мне в любовь пришлась.

Вспыхнула до слез — совсем дикая.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АРТЕМА ВЕСЕЛОГО НА ФРОНТИСПИСЕ КНИГИ «ПИРУЮЩАЯ ВЕСНА» (Харьков, 1929):

«Волгарю Максиму Горькому Волгарь Артем Веселый»

Личная библиотека Горького, Москва

Он ее к сердцу жмет.

Снял с себя крест и задернул образа, готовясь к грешному делу. Исстари по учению христианскому, ведомо, что баба есть покоище змеиное, цвет дьявола, купница бесовская.

Груди, как заюшки белые.

Ухватил ее за груди белые.

И давай девицу трепать, целовать.

Под усы его целовала и белой грудью нападала.

Она, голубонька, стонет, а он ее, как ястреб, крылом бьет.

— Ах ты, лапушка, надсадушка моя.

И слилась река с рекой.

Она под ним как вода течет, а он по ней как по реке плывет.

- И всю-то ночу, от вечерней зари до утренней, он бился в нее, как черный прибой в белый берег.
- Хороша девка... И глубока и широка, как Волга в разлив, и ни одной-то косточки в ней, стерве, нет: одни хрящи хрустят... Хороша...

Она всё его кудри гладила.

— Я и так гладкий, — смеялся он.

Молния из туч проглянула.

И день лежит, и два лежит, рученьки-ноженьки точно повыломаны. Не пьет, не ест, знахарей-лекарей от себя гонит. А на третий день баню истопили, дворовые девки ее в четыре веника парили, косточки порасправили, тогда она в себя пришла, а ночью сама к казаку босиком в одной рубашечке побежала, сама плачет, сама смеется.

Ночь темна, лицо, счастьем озаренное.

— Мне твоя любовь не в диво.

Он к ней больше не ходил...... речи не говорил и песенки не пел — знать, прихлебалась красная ложечка.

Она плачет, и ему нисколько не жалко, и ни одного-то словечка жальливого для нее у него нет.

Плачет — слова.— Не плачь, девка, не печалься. Я любить не стану.— Она еще горше.

- Не плачь, не тужи.
- Тошно, Ванюшка, из воли да в неволю. Али забыл, как целовал, улещал, «навеки твой».
- Прихлебалась красна ложка.
- Ты разоритель мой, ты погубитель мой. Общипал с меня девичью красу, как с утки перья. Куда я ныне голову приклоню?

Слезами смыла свою красу.

из «ВСЯЧИНЫ»

Терек и хорош, потому что он сдавлен скалами. Разлейся он по равнине — болото. Все прибрежные куры подохли бы со смеху.

Мысль и мечта равноправны.

И все мои угадки как какая-то песнь без начала и без конца.

В такой день воробы и те не чирикают, а лирикают.

Он забежал в цветочный магазин и купил весны на трешницу.

И в ночи с вышки Бугазского пикета, что стоял у самого берега Черного моря, дозорный кричал нараспев: «Слу-у-шай». Дозорный на соседней вышке подхватывал и передавал дальше:— Слу-у-шай.

И так-то этот предостерегающий окрик бодрствующего на границе казака перекатывался от Черного моря до Каспия. — Береги-и-и.

Жалобно мяукали львята, искали у матери защиты.

В ожидании гибели пригорюнившись сидел в березе черный дрозд.

Таракан на пороге щели тревожно шевелил тонким усом.

Анархия в городах «плюс» верблюд сдох «плюс» все пошло по-старому.

Старость... потянуло прохладой.

Свинцовый поцелуй.

Счастливая улыбка, как молния, опалила меня.

Фейерверк песен твоих.

Радуга песен.

Строка, что играет на странице, как солнечный луч.

Строка — зыбкий мост над

Тараканье племя неистребимо.

Шакалы собираются в стаи, лев - один.

Славу нажить трудно, а растранжирить легко.

Ты шел по цветущей земле, [отражая в себе] и звезды, как в потоке, отражались в тебе.

Строки — качели.

Строка — топор.

Зеркала чужой славы.

Лицо его было измазано черными... мыслями.

Как опасно юному таланту бездарное окружение.

Калоши, поставленные на туалетный стол, мой взор меньше бы оскорбили, чем эта книга.

Когда он взирал на нее как на пустыню — и серо, и жарко, и не на чем глаз задержать.

Когда задница думает и решает.

Злобное сопенье.

Когда она протягивала руку, не знающую работы: «Денег».— он уходил и с ежами и сомами вел унизительные для его самолюбия разговоры, выклянчивая аванс.

Судорога притворства и лжи. Когда оба вынуждены были отказываться от всего, что манит и зовет.

Дивясь утру [миру], маки широко раскрыли веки нежных глаз. Вечер, догорали цветы.

Разнообразие цветов - грамматика красоты.

О чем ей мечтается (Сад).

Какою жаркою мечтой она дышит и понятны ли ее мечты пчеле? (Сад) Зарево цветов над зеленью (Сад).